

«РУНЫ ЛЮБВИ»

- Наталья Косухина
«Синий, хвостатый, влюбленный»
«Пятьдесят оттенков синего»
Трилогия «Корпорация Лемнискату»
Кн. 1 «И начнется отсчет»
Кн. 2 «И каждый день за веком век»
Кн. 3 «И замкнется круг»
- Ксения Баштовая
«Проклятые огнем»
«Дорогу осилит идущий»
- Мария Боталова,
Екатерина Флат
«Академия попаданцев.
Избранница Тьмы»
- Мария Сакрытина
«Я клянусь тебе в вечной верности»
«Слушаю и повинуюсь»
- Ольга Пашнина
«Осторожно, ведьма!»
- Терри Лу
«Под крылом дракона»
- Екатерина Флат
«Его Тьма»
- Галина Манукян
«Ученица чародея»
- Елена Литвиненко
«Кукла советника»
«Волчица советника»
- Елена Малиновская
«Любовь без права выбора»
- Алиса Одинцова
«Начальник для чародейки»
- Надежда Мамаева
«У волшебства запах корицы»
- Мария Боталова
Трилогия «Тайны изначальных»
Кн. 1 «В оковах льда»
Кн. 2 «Огонь Изначальный»
Кн. 3 «Во власти демонов»
- Александра Салиева
«Прокляты и забыты»
«Обречены и одиноки»
- Ольга Мигель
«Принц на белом кальмаре»
- Марина Дробкова
«Маг моего сердца»
- Дана Арнаутова
«Страж морского принца»
- Аня Сокол
«На неведомых тропинках.
Шаг в темноту»
«На неведомых тропинках.
Шаг в пустоту»
- Евгения Петроченко
«В летописях не значится»
- Валерия Чернованова
«Колдун моей мечты»
«Пепел погасшей звезды»
- Марина Эльденберт
«Заключенные любовники»
«Заключенные супруги. Золотая мгла»
- Алиса Ардова
«Мое проклятие»
«Мое проклятие. Право на выбор»
- Татьяна Зингер
«Соль и пламя. Леди Теней»
«Соль и пламя. Вестница»
- Анна Бруша
«Ведьмы не любят инквизиторов»
- Катя Зазовка
«Немира. Колесо судьбы»
- Алина Борисова
«Город над бездной»
- Карина Пьянкова
«Тихоня»
- Елена Лисавчук
«Школа истинного страха»
- Любовь Черникова
«Невеста принца и волшебные бабочки»
- Альмира Рай
«Магическая академия
строгого режима»
- Наталья Сапункова
«Невеста без места»

ЗМ^{АТЯНА}
ЗИНГЕР

Соль и пламя

ВЕСТНИЦА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-63

Оформление — *Екатерина Петрова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Зингер, Татьяна.

3-63 Соль и пламя. Вестница : [роман] / Татьяна Зингер. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Руны любви).

ISBN 978-5-17-104251-6

Их свела друг с другом сама судьба. Столкнула лбами, заставила сотрудничать.

Тая выросла в Затопленном городе. Иттан — граф, светлый маг, любимец рода. Откуда ему знать, как тяжело неделями не видеть солнца? Разве сможет она стать частью его мира?

Но Тая — вестница, и она способна рассмотреть будущее в текстах книг. Что остается Иттану?

Разумеется, оберегать вестницу.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104251-6

© Т. Зингер, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСЧЕЗНУВШЕЕ КОЛЬЦО

ГЛАВА I

Тая

Смычок скользил взад-вперед, и от касаний волоса по струнам рождалась мелодия. То горчащая на языке, то приторно-сладкая; то невыносимо медленная, то быстрая, как подземная река. Мотивы сменялись. Солнечный луч плясал по грифу.

Футляр от скрипки наполнялся монетами — горожане были разморены жарким полднем и оттого щедры. Они не скупилась на подаяние для юной скрипачки, которая играла, склонив голову на подбородник. Одни долго стояли, топя в такт, чем неимоверно раздражали; другие кидали монетку в общую кучку и шли по своим делам.

Краем глаза я заметила, как Рыжий влез пальцами в карман прохожего, который заслушался мелодией, как блеснула в смуглой руке медянка. Я видела все и с трудом подавила стон недовольства. Куда же он выперся, неразумный?! Схватят же!

Я закончила играть и под редкие аплодисменты пересыпала мелочь в мешочек, который повязала на пояс. Рыжий мельтешил рядом, чем подставлял нас обоим. Сцапают его — и меня заодно. Надо бы убираться, пока его не поймали.

— Прекрати, — шикнула я, схватив Рыжего за зала-
танный рукав. — Кыш отсюда!

ТАТЬЯНА ЗИНГЕР

— Да ладно тебе! — протянул тот и щербато улыбнулся. — Все в порядке. Никто и не заметил.

Он убежал, затерявшись среди суетливого потока горожан. Я забросила футляр за плечо и уже собиралась уходить, как по площади разнесся истошный женский крик:

— Грабят! Стража!

Оглянулась. Да будь неладен этот мальчишка! Громадный мужик схватил Рыжего за грудки, а стоящая рядом тетка орала во все горло. Вокруг них образовывалась толпа. Подошел толстопузый стражник, встряхнул Рыжего как следует. Тот взвыл.

— Не трожьте меня, я сиротинушка-а-а.

Надо валить. Я направилась к безлюдному переулку, надеясь затеряться, пока не стихла паника. Не успела.

— Он с этой был, со скрипачкой! — «удружил» кто-то басистый.

— Вон она!

— Бесстыдница!

— Воровка!

— Держите ее!

Я ни оглядываться, ни отвечать не стала — побежала так, что дыхание застыло в глотке. Тяжеленный футляр лупил по заднице, оттягивал плечо. Не впервой, потому на бегу перекинула его поудобнее. Мелькали развилки и дома. Запах свежей выпечки сменился помойной вонью. Кошель отвязался и брякнулся на землю, но я не остановилась — жизнь дороже.

Преследователь несся по пятам, и тяжелые шаги его звучали вровень со стуком моего сердца.

— Именем закона... — пыхтел он, срывая голос. — Требую...

«Требуй что угодно, отвяжись только», — безрадостно подумала я и свернула налево, затем резко вправо. Перепрыгнула через мусорную кучу, встревожив стайку крыс, и те с писком разбежались.

СОЛЬ И ГЛАМЯ. ВЕСТНИЦА

Преследователь отставал. На новом повороте его дыхание уже не жгло лопатки. Вскоре шаги стихли, затерявшись где-то позади. Как раз вовремя. Я, склонившись, нырнула в малоприметную щель под старым зданием, где пряталась не единожды. Втянула внутрь футляр. Улеглась на живот и затихла.

Ноги, обутые в нечищенные ботинки, пронеслись совсем рядом и исчезли. Угроза миновала.

Ха!

Я довольно фыркнула. Одурачила. Опять! Какие же эти стражники неуклюжие. Разжиревшие боровы, вот они кто.

Но гордость тотчас сменилась раздражением. Дневного заработка я лишилась, и все благодаря недотепа-Рыжему. Ему же было велено обчищать простофиль с рынка, так чего он приперся к фонтану?! А самое обидное, что Рыжему ничего не сделают, ну, высекут как следует да отпустят восвояси. А мне Кейбл потерю выручки не простит. Я явственно представила, как он накажет меня, — и низ живота скрутило судорогой.

Вроде тихо.

Я, переждав несколько минут и убедившись, что поблизости никого нет, вылезла из щели, оперлась спиной о стену. Смежив веки, представила, что это вовсе не трущобы столицы, а море. Вообще-то я никогда не видела моря, но слышала, что оно существует. Мамаша говорила, будто то шумит — и многие годы я пыталась понять, как именно. Похож ли его шум на скрип дверных петель или на шуршание, с которым ветра гоняют по земле обрывки газет?

Или на то, как падают с потолка капли, ведь в Затопленном городе не бывает сухо?

Кейбл, подтрунивая надо мною, утверждал, будто морская вода пахнет рыбными очистками и плавают в ней утопленники. Но я ему не верила. Откуда Кейблу,

ТАТЬЯНА ЗИНГЕР

выкормленному крысами Затопленного города, знать, как выглядит море?

Я сидела, поглаживая шершавый бок футляра. Вокруг все смолкло. И среди Янга, столицы людского королевства, осталась я одна, а ветер донес аромат соли.

... И чьи-то шаги.

Сердце рвануло из груди.

Я приготовилась бежать.

ГЛАВА 2

Иттан Берк

Болезнь не красила Агнию. Под глазами залегли тени. Рыжие кудри, мандариново-сочные, пахнущие лавандой, разметались по подушкам. Женщина натужно дышала, и грудь ее тяжело вздымалась от каждого вздоха.

«Мигрень», — догадался Иттан. Вот почему она вызвала его сегодня, да еще в такой спешке. В письме, присланным с посыльным, было всего два слова:

Приезжай немедленно.

— Ты неразговорчив, — прошелестела Агния. — Проблемы на работе? Не стой в дверях как неродной, иди сюда, — и слабо похлопала по краю кровати.

— Честно говоря, погода дрянная. — Он сел осторожно, чтобы не потревожить Агнию (знал, как ей неприятны любые касания в мигрень). — Ты выходила на улицу?

Она бросила быстрый взгляд на окно, за которым бушевал ливень, и злой ветер гнул ветви яблонь, которые росли у дома, к земле. Сам Иттан вымок до нитки, и светлые волосы его завились у концов. С кончика носа стекла капля и разбилась о шелковые простыни. Агния любила роскошь, порой запредельную и лишнюю. Ме-

СОЛЬ И ГЛАМЯ. ВЕСТНИЦА

бель подбирала исключительно редких пород, не скупилась на одежду и обувь. Оттого и простыни в ее доме были жутко неудобные, зато из бледного шелка. Иттан проклинал их каждый раз, когда пытался балансировать на скользком шелке в минуты близости с Агнией.

— Лето нынче не задалось, — холодно подтвердила та, которая терпеть не могла разговоров о погоде и называла их бестолковой тратой времени и слов. — А мне что-то нездоровится.

Она страдальчески закусила губу. На лбу и в уголках глаз выступили морщинки, бесстыдно напоминающие об истинном возрасте. Иттану нестерпимо захотелось стереть их с фарфоровой кожи поцелуем, но он сдержался.

— Позвать лекаря?

— Лучше посиди со мной. — И нащупала его руку.

Странно, никогда прежде Агния не просила побыть с ней в момент приступа. Напротив, гнала вон при малейшем признаке недомогания. Не терпела слабости: ни чужой, ни своей. С чего она снизошла до «телячьих нежностей», которые презирала всем своим естеством?

Их близость казалась настолько хрупкой, что могла рассыпаться на осколки от неловкого движения. Потому Иттан окаменел, с трепетом рассматривал аккуратные черты бледного личика. Мышцы его затекли, но он не позволял себе двинуться. Дождь барабанил по стеклам одновременно тревожный и успокаивающий ритм. Итттану почудилось, что Агния задремала, и он попробовал высвободиться, но женщина покачала головой.

— Сиди, — приказала шепотом. — Расскажи, как обстоят дела в академии?

— Совет избрал новым ректором Виитаро Монро, — нехотя ответил Иттан, почесав переносицу. — Не худшее их решение, хотя я чую, как надо мной сгущаются тучи. Старик Виитаро всегда считал меня слишком юным для занимаемой должности — а значит, попытается эту

ТАТЬЯНА ЗИНГЕР

самую должность отнять. Что еще? — Он задумался, потому как редко обсуждал с кем-либо работу. — Пришли характеристики на первокурсников. Среди потока есть настоящие самородки, но тебе ведь скучно?

— Отнюдь. — Агния приоткрыла глаза цвета спелой сливы. — Я так редко проявляла интерес к твоей жизни. Мне стыдно.

— Почему? — изумился Иттан. Нет, что-то неладно. Чтобы Агния, та самая Агния, которую воротило от любого проявления эмоций, пыталась влезть ему в душу, да еще стыдилась своей черствости?!

— Настроение такое. — Она хрипло засмеялась; так смеется любая курильщица с многолетним стажем. — Романтичное. Ну же, рассказывай!

И он говорил. Нес откровенную чепуху, описывал абсолютно неважные события минувшего дня, а в душе цело. Когда Агния уснула, напоследок заметив, что Иттан болтливый болван, он поцеловал ее в лоб (что позволял себе редко, лишь когда был уверен, что не разбудит свою язвительную женщину) и на цыпочках вышел, прикрыв дверь.

«Может, это знак? — думал Иттан, подняв ворот плаща, чтобы колючая морось не затекала за шиворот. — Она готова принять меня?»

Фамильное кольцо давно пылилось в ящике стола — Иттан попросту не решался предложить Агнии замужество. О да, она бы засмеяла его, назвала влюбленным кретином и напомнила, что между ними нет никаких отношений, кроме постельных. Но теперь, когда она разрешила ему разделить на двоих мигрень, когда расспросила о делах, когда позволила открыться — все изменится!

По периметру академия чародейства и знахарств была обнесена неприступной стеной, а внутрь вели единственные ворота. Над теми развевались сотворенные магией флаги всех цветов радуги, которые мерцали даже

СОЛЬ И ГЛАМЯ. ВЕСТНИЦА

в ночи. Вход от нежеланных гостей охранял суровый привратник. Ну, предполагалось, что он должен быть суровым, но по факту этот престарелый колдун средней руки либо дремал в своей каморке, либо ругался с пройдохами-студентами, пытающимися протащить на территорию что-нибудь запрещенное (от дешевого алкоголя до таких же дешевых продажных женщин). Даже алебарда, добытая им в какой-то оружейной мастерской, не вселяла страха.

Ключущий носом привратник подскочил, когда ворота отворились.

— Доброе утро, господин! — Он встал по струнке.

— Спокойной ночи, — поправил Иттан с улыбкой.

Темными ночами академию словно населяли призраки. В отблесках свечей скакали тени, извивались, тереясь в переплетении коридоров. Перешептывались не смазанные дверные петли. Свечи пылали тускло, позволяя ориентироваться в бесконечных поворотах и лестницах, но размывая очертания предметов. Впрочем, за тринадцать лет, которые светлый декан Иттан Берк провел в академии, он выучил наизусть каждую трещинку в стене, всякую складку на поистрепаншемся ковре. Приходили и выпускались адепты, умирали преподаватели, но вещи оставались неизменны.

В личных покоях Иттан наскоро разделся и завалился в постель. Завтра же он скупит всю цветочную лавку и, осыпав крыльцо дома Агнии розами, шипастыми, на длинной ножке, сделает ей предложение.

Но ранним утром (неприлично ранним, когда ночные гуляки уже разбрелись по домам, а труженики еще не проснулись) его разбудил стук в дверь. На пороге высилась личная секретарша Иттана. Ненакрашенная и встрепанная, чего раньше за ней не наблюдалось, в ночной сорочке до пят.

— Клаудия, что произошло? — Он потянулся.

— Держите, — проблеяла она.

ТАТЬЯНА ЗИНГЕР

Дрожащей ручонкой протянула Иттану сложенный вчетверо лист бумаги.

— Что-то неотложное? — пробурчал Иттан, разворачивая лист. Почерк в мелких завитушках был ему знаком. Агния.

Прошу, не порть мои похороны своими слезами. Не приходи.

А.

— Что за нелепая шутка?! — Иттан поднял взгляд на Клаудию, и та затряслась как в судорогах.

— Госпожа Агния Керро скончалась нынче пополуночи. Она просила посыльного передать вам это после ее смерти, — скороговоркой выпалила секретарша. — Я решила не ждать и отдать сразу... чтобы вы... ну... вы же вроде дружили...

Договорив, она попятилась и, не дожидаясь дальнейших распоряжений, спешно ретировалась прочь от деканских покоев. А Иттан еще долго комкал в пальцах надушенное послание, чувствуя себя преданным и опустошенным настолько, что пустота эта пожирала изнутри. Как штырь, она вонзалась в сердце, проворачивалась, драла в ошметки.

Агния — молодая, успешная, великолепная — не имела права умирать.

Но она была мертва.

На похороны он все-таки явился. Назло Агнии и самому себе. Одетый неприметно, в повседневный костюм. Будто шел не к женщине, от которой лишился рассудка, а к мимолетной знакомой. Она лежала на алтаре посреди храма, окруженная черными свечами, огни на которых несмело трепетали. Повсюду были розы, и в воздухе за-

СОЛЬ И ПЛАМЯ. ВЕСТНИЦА

стыл их сладкий аромат. Мечта Иттана осыпать Агнию цветами сбылась, но совсем не так, как он предполагал — да и опередил его какой-то иной поклонник. Волосы ее были убраны в замысловатую прическу, и среди рыжих прядей сверкали изумруды. Платье черное, с высоким горлом и без разреза у бедра, скромное и безвкусное — при жизни Агния ни за что бы не надела подобное.

С ней прощались коротко, без особых эмоций. Подходили, касались лба, бормотали под нос пару пожеланий и убирались. Хуже всего, что Иттан должен был поступить точно так же. Он ступил к Агнии, неотличимой от прежней — взмах ресниц, и она оживет! — тронул кончиками пальцев ледяной лоб. Второй рукой нащупал в кармане фамильное кольцо. Иттан собирался незаметно надеть его на палец Агнии, чтобы его частичка навсегда осталась с ней, но не сумел. За ним сморкалась в платок какая-то женщина и заглядывала за плечо, мол, когда же наступит ее очередь.

— Надеюсь, твой новый театр по-настоящему роскошен, — сказал Иттан и, запечатлев Агнию последним взглядом, отошел к стене.

Он проводит ее тело в последний путь, и когда прах развеют над рекой — напьется с горя.

— Сжигания не будет! — вдруг оповестила молоденькая актрисулька, подружка Агнии. — Агнуша завещала быть похороненной в могиле.

Она не то хрюкнула, не то всхлипнула и трагично разревелась, неестественно и вызывающе. Да, со смертью Агнии столица лишилась не только прекрасной женщины, но и великой актрисы. Агния рвала жилы, не щадила себя, дневала и ночевала на сцене, заучивая роль, — и была лучшей из лучших. Неповторимой. Благодаря ей маленький театр из бедного квартала переехал в центр Янга. Сам король посещал пьесы, в которых главную роль — а за иные она не бралась — играла Агния.

Но она мертва, и вскоре гибкое тело обовьют черви.

Иттан ушел. Не выслушал заунывных речей от ее многочисленных поклонников. Не высказал ей, как нехорошо обманывать мужчину, с которым делишь постель. Мигрень.. Никакой мигренью она не болела, а мучилась неизлечимой болячкой, что давно засела в мозгу. Агния, без сомнений, знала о ней, но ничего не говорила. Никому, даже Итттану. Почему она не доверяла ему?

С другой стороны, чем, если не доверием назвать то, что последние часы они провели вместе?

Кольцо он положит на ее могилу как-нибудь позже, когда страсти вокруг гибели Агнии улягутся.

Как назло, распогодилось. В день похорон Агнии просто не могло светить солнце, но, между тем, на безоблачном небе ворочался золотистый блин.

У здания, где когда-то снимал помещение театр Агнии, было удивительно пусто. Пара дешевых букетов валялось у заколоченных дверей — вот и вся дань памяти. Иттан долго стоял, вглядывался в слепые провалы окон. И перед глазами вспыхивали картинки полузабытого прошлого.

...На то представление его позвал знакомый, и Иттан от безделья согласился.

Он сидит на жестком стуле в зале столь маленьком, что нечем дышать. Гостей собралось много, они шушукуются и позевывают, листают программку, наскоро нарисованную художником, а потому неряшливую.

Занавес поднимается, даря начало представлению, скучному и обыденному. Иттан ерзает на стуле.

— Ты погоди, — со знанием дела шепчет знакомый. — Скоро появится она!

В его голосе столько восторга, что Иттан поддается, в нетерпении разглядывает сцену, где мельтешат унылые актеры. Не разобрать, что они изображают: драму или комедию?

СОЛЬ И ГЛАМЯ. ВЕСТНИЦА

Все меняется, когда выходит Агния. В облегающем платье, полы которого струятся по полу. Волосы распущены, кожа бела, и только губы алы словно кровь. Она не женщина, а иллюзия, портрет кисти не мастера, но гения. Глаза сверкают. Ее речь чиста, и от голоса, которым она произносит текст, хочется плакать.

Все-таки драма.

Агния играет как живет. Вены на ее шее вздуваются, когда она кричит. Голос срывается. В конце она падает на подмостки, якобы убитая кинжалом в спину, и зал ахает. Люди поднимаются с мест и всматриваются в недвижимое тело.

Занавес опускается.

Нет ни хлопков, ни криков «Браво!». Лишь молчание, тяжелое, густое.

И когда Агния выходит на поклон, гости взрываются аплодисментами. Женщины утирают слезы, мужчины восхищенно качают головами. Равнодушных, как и недовольных, нет.

Агния лучезарно улыбается, принимая букеты и комплименты, а Иттан чувствует на себе ее внимательный взгляд...

Кажется, он задумался и свернул куда-то не туда. Вместо базарной площади — на грязную, узенькую улочку. У сточной канавы умывалась крыса, такая жирная, что могла бы сожрать кота. Иттан поморщился. Ну и где он? Ни вывесок, ни лавок, только кособокие домишки да мусорные кучи.

Трущобы.

У стены обнаружилась кучерявая девица, которая сидела на земле, скрестив ноги. Глаза ее были закрыты. Перед девицей валялся футляр. Услышав, что кто-то идет, она распахнула глаза. Недовольно цокнула.

— Играешь? — зачем-то спросил Иттан, сраженный несоответствием между чумазой внешностью и старым,